

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. П.Ф. Николаевский

Ученые труды преосвященного
Евгения Болховитинова,
митрополита киевского по предмету
русской церковной истории

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 7. С. 375-430.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

УЧЕННЫЕ ТРУДЫ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЕВГЕНІЯ БОЛХОВИТИНОВА,

МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО,

ПО ПРЕДМЕТУ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Труды кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова должны занимать одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ученой разработкѣ исторіи русской церкви не только потому, что ученый архипастырь жилъ раньше многихъ другихъ духовныхъ писателей по русской церковной исторіи, но и по своимъ внутреннимъ качествамъ, по достоинству своего содержанія и направленія, по тому вліянію, какое имѣли они на дальнѣйшую научную разработку русской церковной исторіи. Митрополитъ Евгеній росъ и воспитывался въ эпоху знаменитаго митрополита Платона, который также занимался исторіею русской церкви; но церковная русская исторія митрополита Платона явилась въ печати въ 1805 году, въ то время, когда Евгеній Болховитиновъ былъ извѣстенъ въ литературѣ многими самостоятельными изслѣдованіями по русской исторіи. Впоследствии мы представимъ отзывъ самаго Евгенія объ исторіи митрополита Платона и тогда увидимъ, что Евгеній шелъ въ своихъ трудахъ

совершенно по другому направленію, чѣмъ Платонъ: въ трудахъ м. Евгенія высказаны были новыя требованія времени отъ научныхъ занятій по исторіи; оттого его труды пользовались извѣстностью въ литературѣ и имѣли больше вліянія на развитіе исторической науки, чѣмъ труды м. Платона. Послѣдняго онъ превзошелъ и многочисленностію и разнообразіемъ своихъ изслѣдованій. Разнообразіе въ содержаніи трудовъ м. Евгенія дало поводъ ученымъ разсматривать его труды въ примѣненіи къ разнымъ специальнымъ знаніямъ. И. И. Срезневскій засвидѣтельствовалъ значеніе ихъ въ наукѣ археологій; А. Ф. Бычковъ касался значенія ихъ въ исторіи русской литературы; по замѣчанію Я. К. Грота, труды м. Евгенія преимущественно относились къ области русской исторіи въ пространнѣйшемъ значеніи этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдя за ходомъ научныхъ занятій преосв. Евгенія съ раннихъ поръ его самостоятельной дѣятельности до самой кончины, замѣчаемъ, что они обращены были преимущественно на изученіе исторіи отечественной церкви. Если по временамъ онъ удалялся отъ своей главной задачи въ изслѣдованіи археологическихъ, филологическихъ, библиографическихъ; то удалялся по необходимости: онъ ясно сознавалъ недостатки и нужды въ современномъ ему состояніи научной обработки исторіи отечественной церкви и обращался къ указаннымъ изслѣдованіямъ, какъ къ необходимымъ подготовительнымъ работамъ для изученія русской церковно-исторической жизни. Подъ конецъ своей жизни преосв. Евгеній намѣревался сдѣлать сводъ всѣхъ своихъ наблюденій и замѣчаній по исторіи; онъ приступилъ къ полному си-

статическому изложенію русской церковной исторіи, но смерть помѣшала ему исполнить намѣреніе, видѣть выполненіенъ котораго онъ трудился много лѣтъ.

Цѣль настоящей статьи—показать, подѣ вліаніемъ какихъ обстоятельствъ жизни и времени развилась въ покойномъ м. Евгеніѣ любовь къ научнымъ занятіямъ по исторіи отечественной церкви, въ какихъ именно трудахъ высказались его научныя занятія по русской церковной исторіи, какимъ они отличались характеромъ и какое вообще преосв. Евгеніѣ имѣлъ вліаніе на ходъ научной разработки русской церковной исторіи.

Полнаго очерка дѣятельности м. Евгенія Волховитинова никѣмъ еще не сдѣлано; между тѣмъ подобнаго рода очеркъ значительно пополнилъ бы пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о церковно-исторической жизни русскаго общества съ конца прошлаго до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія. М. Евгеніѣ жилъ во время первой реформы нашихъ духовноучебныхъ заведеній и былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей въ этой реформѣ, участвовалъ во многихъ правительственныхъ коммиссіяхъ и ученыхъ обществахъ, управлялъ различными епархіями, былъ членомъ св. синода, участвовалъ въ секретномъ комитетѣ по дѣламъ раскольниковъ и масоновъ. Труды м. Евгенія въ указанныхъ официальныхъ сферахъ только намѣчены, но не изслѣдованы въ наукѣ; бумаги и документы, по которымъ бы можно описать эти труды, лежатъ еще въ архивахъ неописанными. Празднованіе академією наукъ столѣтняго юбилея м. Евгенія въ 1867 году вызвало въ печати нѣсколько статей и замѣ-

токъ о его жизни и дѣятельности; до этого же времени напечатано было нѣсколько краткихъ рецензій на изданные ученые труды м. Евгенія и нѣсколько его писемъ къ частнымъ лицамъ (1). Статьи о м. Евгеніѣ, вызванныя юбилеемъ, заслуживаютъ сравнительно большаго вниманія по достоинству собраннаго и рассмотрѣннаго въ нихъ матеріала. Между ними первое мѣсто занимаетъ статья г. Пономарева, представляющая наиболѣе полный списокъ и указатель ученыхъ и литературныхъ трудовъ м. Евгенія и рецензій на нихъ, сдѣланныхъ въ разныхъ ученыхъ и періодическихъ изданіяхъ. Далѣе слѣдуетъ рѣчь протоіерея Фаворова, произнесенная въ кievскомъ университетѣ (2), и статья г. Ивановскаго (3), которыя могутъ служить пособіемъ при составленіи полной біо-

(1) Рецензія Погодина въ «Москвитяинѣ» за 1842 г.; преев. Филарета черниговскаго въ его «Обзорѣ р. дух. литературы»; преев. Филарета кievскаго во «Временникѣ»; Пекарскаго въ «Библиограф. записк.» за 1859 г.; В. Аскоченскаго въ «Истор. кievской дух. академіи по ея преобразованію». Изъ изданныхъ тогда писемъ известны два письма м. Евгенія о Сіонскомъ Востникѣ и Исторіи м. Платона въ «Москвитяинѣ» за 1848 г. № VIII, — письма къ Городчанину въ «Журн. мив. нар. просв.» 1857 г. № 4, — къ Селivanовскому въ «Библиограф. запискахъ» за 1859 г.; переписка м. Евгенія съ гр. Румянцевымъ и протоіер. Григоровичемъ въ «Чт. Общ. Ист. и Древ.» 1861 г., кн. 2, — также въ «Воронеж. литерат. сборникѣ» за 1861 году; письма къ Анастасевичу въ «Русской правдѣ», литературномъ альманахѣ на 1860 г. Кіевъ; въ «Маякѣ» за 1843 г. изданы замѣтки м. Евгенія на исторію Татищева. Въ 4 т. лѣтописей Тихонравова издана записка м. Евгенія о духовоборцахъ.

(2) Отпечатана въ «Трудахъ Кіевск. Дух. Акад.». Августъ за 1867 г.; здѣсь же помѣщены и статья Пономарева, и литературная замѣтка о проповѣдяхъ м. Евгенія. Въ связи съ послѣднею статьею нѣльзя не указать и ст. свящ. М. Морозкина въ «Прав. Обзор.» за 1863 г. № 10, расеуждающей отношенія м. Евгенія къ выборному началу въ духовенствѣ.

(3) Издана въ «Жур. мив. нар. просв.», декабрь 1867 г.

графіи м. Евгенія, такъ какъ сообщенныя ими свѣдѣнія основаны не на одной только автобіографіи м. Евгенія (1), изъ которой прежде исключительно черпались свѣдѣнія о его жизни и трудахъ, но преимущественно на извлеченіяхъ изъ его писемъ. Вообще переписка м. Евгенія съ разными лицами представляетъ существенный интересъ и богатый матеріалъ для изученія его жизни и ученыхъ трудовъ: по ней можно слѣдить за развитіемъ русской исторической литературы того времени; она содержитъ замѣчанія м. Евгенія на его собственные печатные труды и на труды другихъ современныхъ ему писателей, которыхъ онъ не рѣшался высказывать печатно. Чтенія академикомъ И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота и А. Θ. Бычкова на юбилейномъ собраніи Академіи Наукъ въ память м. Евгенія основаны главнымъ образомъ на извлеченіяхъ изъ его писемъ и рукописныхъ замѣтокъ (2). Попытка профессора Тихонравова представить за тѣмъ болѣе полную біографію м. Евгенія ограничилась одною статьею о первыхъ только лѣтахъ его жизни (3).

Изъ представленнаго перечня литературныхъ статей о м. Евгеніѣ видно, какъ ограниченны наши свѣдѣнія не только объ общемъ состояніи церковно-ис-

(1) Автобіографія м. Евгенія помѣщена Погодинымъ при «Словарѣ русскихъ писателей», изд. въ 1845 г.

(2) Указанныя чтенія изданы отдѣльнымъ выпускомъ и составляютъ V томъ чтеній по отдѣленію русскаго языка и словесности. Интересъ указанныхъ чтеній увеличивается приложеніемъ къ нимъ писемъ м. Евгенія въ Анастасевичу, Державину, Оленину, гр. Хвостову, Гирсу, Ермолаеву, также рукописныхъ его дополненій къ историческому словарю.

(3) Статья г. Тихонравова издана въ 5 кв. «Русск. Вѣсти.» за 1869 г.

торической жизни нашего общества въ первую половину настоящаго столѣтія, но и о трудахъ отдѣльныхъ ея историческихъ дѣятелей. Во всѣхъ почти указанныхъ статьяхъ о м. Евгеніѣ выражается жалоба на недоступность матеріала, нужнаго для исторіи, на разбросанность этого матеріала по рукамъ частныхъ лицъ и по архивамъ правительственныхъ учреждений и ученыхъ обществъ,—указывается настоятельная и неотложная необходимость приступить къ изданію особыхъ сборниковъ сочиненій и писемъ м. Евгенія, тѣмъ болѣе, что печатныя его сочиненія становятся библиографическою рѣдкостью; люди, лично его знавшіе, которые могли бы провѣрить сообщаемыя о немъ свѣдѣнія, сходятъ въ могилу, а собственноручныя письма и тетради м. Евгенія попадаютъ уже на толкучихъ рынкахъ среди бумажнаго хлама.

Евоимій Болховитиновъ (такъ звали митрополита Евгенія до постриженія въ монашество) родился 18-го декабря 1767 года и на 10-мъ году жизни лишился своего отца, священника въ Воронежѣ. Цѣвческій архіерейскій хоръ, куда онъ принятъ послѣ смерти отца, далъ ему первую возможность ознакомиться съ грамотой и поступить въ мѣстную семинарію. Здѣсь обратилъ на него свое вниманіе воронежскій преосвященный Тихонъ III Малининъ и съ семинарскаго курса философіи прямо отправилъ его въ московскую духовную академію подъ покровительство м. Платона. Счастливая тогда была пора для московской академіи; м. Платонъ, признанный протекторомъ академіи и пользовавшійся милостями двора, имѣлъ всѣ средства дать академіи лучшее устройство и въ матеріальномъ и въ учебномъ отношеніяхъ. Въ ней были собраны

лучшіе наставники и ученики. М. Платонъ самъ слѣдилъ за преподаваніемъ и во всемъ давалъ свои со-
вѣты. Пятилѣтнее пребываніе въ московской акаде-
міи дало Евфимію Болховитинову возможность при-
обрѣсть лучшее по тому времени богословское обра-
зованіе, изучить древніе классическіе языки, при-
учить себя къ тому точному и строгому анализу мысли
и критики, какой онъ обнаружилъ впоследствии въ
своихъ историческихъ и археологическихъ изслѣдо-
ваніяхъ. Пребываніе Болховитинова въ московской
духовной академіи сопровождалось обстоятельствомъ,
имѣвшимъ рѣшительное вліяніе и на научныя его за-
нятія исторіей. Московская академія, не смотря на
свою славу во время м. Платона, имѣла и недостатки,
которые открыто признавалъ ея покровитель. Препо-
даваніе риторики и философіи далеко отставало въ
ней отъ развитія и состоянія этихъ наукъ въ западно-
европейскихъ школахъ и даже не могло соперничать
съ преподаваніемъ этихъ наукъ въ недавно основан-
номъ московскомъ университетѣ. М. Платонъ, желая
восполнить недостатки академическаго образованія,
давалъ студентамъ, въ томъ числѣ и Болховитинову,
возможность посѣщать лекціи московскаго универси-
тета. Въ университетѣ Болховитиновъ сошелся со мно-
гими студентами, съ которыми онъ послѣ велъ дру-
жественную переписку по вопросамъ научнымъ, исто-
рическимъ. Въ университетѣ же онъ главнымъ обра-
зомъ ознакомился съ новиковскимъ обществомъ, въ
трудахъ котораго принимали непосредственное участіе
студенты семинаріи и академіи и дѣятельность кото-
раго направлялась къ собиранію и изданію памятни-
ковъ древне-русской исторіи. Въ новиковскомъ об-

ществѣ главнымъ образомъ сосредоточивалась въ то время научная разработка русской исторіи, отвѣчавшая преобразовательнымъ планамъ Екатерины Великой. Вслѣдствіе связи этого общества съ московскимъ университетомъ, въ послѣднемъ въ 1773 году предполагалось открыть особую кафедру церковной исторіи, интересъ которой долженъ былъ сосредоточиваться на изученіи исторіи отечественной церкви. Хотя открытіе указанной кафедры въ университетѣ не состоялось, но оно не могло не обратить на себя вниманія московской духовной академіи и ея протектора, только что прибывшаго на московскую архіепископію. Преподаваніе церковной исторіи, и въ частности русской, тогда же введено было въ кругъ предметовъ академіи. Открытое и съ настойчивостью высказанное обществомъ и наукою сознаніе въ необходимости изученія русской исторической жизни не могло пройти незамѣченнымъ для такого даровитаго студента, какимъ былъ Болховитиновъ, и не осталось безъ вліянія на направленіе его личныхъ дарованій. Пріятельскія сношенія его съ нѣкоторыми товарищами по московскому университету, изъ которыхъ многіе, по выходѣ на службу, стали извѣстны по своимъ занятіямъ русскою литературою, знакомство съ трудами Новиковаго общества по русской исторіи, новизна предмета, введеннаго для преподаванія въ московскую духовную академію, — все это невольно тянуло Болховитинова къ собственнымъ занятіямъ русской литературой и исторіей. Если, въ бытность свою въ академіи, Болховитиновъ издалъ нѣсколько сочиненій литературнаго свойства, большею частью переводовъ и передѣлокъ съ иностранныхъ образцовъ; то это обстоя-

тельство говорить только о разнообразіи его талантовъ и о томъ, какъ онъ способенъ былъ увлекаться духомъ времени. Впрочемъ даже нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій говорятъ уже о пробивавшейся въ немъ склонности къ историческимъ занятіямъ.

По окончаніи курса въ академіи, Болховитиновъ возвратился на родину въ 1789 г. и былъ определенъ наставникомъ воронежской семинаріи. Здѣсь ему предстояло открыто выказать свои способности и свою склонность къ историческимъ занятіямъ. Но, если въ недавнее время наставнику духовныхъ учебныхъ заведеній большею частію приходилось заниматься не тѣмъ предметомъ, къ которому онъ болѣе чувствовалъ охоты; то въ концѣ прошлаго столѣтія еще менѣе было регулярности въ его занятіяхъ. Воронежская семинарія только-что устраивалась и въ ней по многимъ предметамъ не было преподавателей. Евфимій Болховитиновъ, поступивъ на должность учителя риторики и французскаго языка, за недостаткомъ наставниковъ взялъ на себя преподаваніе греческихъ и римскихъ древностей, священной герменевтики, церковной исторіи и новогреческаго языка; пять лѣтъ, за неимѣніемъ ректора, исправлялъ ректорскую должность, читалъ догматическое и нравственное богословіе; за неимѣніемъ преподавателя по философіи, читалъ и эту науку; кромѣ того, былъ бібліотекаремъ при семинаріи. По всѣмъ предметамъ онъ составлялъ записки для семинаристовъ и занималъ своихъ учениковъ переводами научныхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ. Только богатая научная подготовка, приобретенная имъ въ академіи и университетѣ, облегчала трудность его многочисленныхъ за-

нятій, а театр освѣжалъ его, и Болховитиновъ, по собственному его выраженію, «не упускалъ ни одного спектакля». Не смотря на сложность занятій въ семинаріи, Болховитиновъ, съ первыхъ годовъ семинарской педагогической дѣятельности, обратилъ особенное вниманіе на занятіе исторіею русской и приступилъ къ составленію систематическаго курса лекцій по русской исторіи; товарищи присылали ему книги, нужныя для исторіи; исторія россійская была уже вчернѣ готова, оставалось только пересмотрѣть ее и исправить. Онъ писалъ своему пріятелю Селивановскому: «о россійской исторіи теперь я не могу еще сказать вамъ ни слова. Отдѣлавши двѣ эпохи, то есть до нападенія татаръ на Россію, я пришлю къ вамъ для просмотрѣнія. Кажется, хочется мнѣ ею похвалу заслужить, когда удастся. Нѣкоторые пріятели мои уже аплодируютъ мнѣ; но я на нихъ не очень полагаюсь. Теперь я весь обladenъ историческими книгами». Вскорѣ Болховитиновъ увидѣлъ, что много не достаетъ его труда, и обратился къ собиранію и изученію самцхъ памятниковъ русской исторіи, сталъ дѣлать разборы и описанія имъ, и тѣмъ положилъ прочное начало какъ своимъ собственнымъ изслѣдованіямъ, такъ и дальнѣйшей разработкѣ исторіи. Воронежъ, богатый письменными памятниками, далъ первый матеріалъ для его трудовъ. Болховитиновъ пересмотрѣлъ всю семинарскую бібліотеку, чему много помогло исправленіе имъ должности бібліотекаря, пересмотрѣлъ мѣстные воронежскіе архивы, перечиталъ рукописи, съ важнѣйшихъ изъ нихъ сдѣлалъ списки и составилъ на нихъ замѣчанія. Плодомъ архивныхъ розысканій были составленные имъ

и прочитанные на лекціяхъ въ семинаріи особыя отдѣлы изъ исторіи, напр.: «о пособіяхъ къ изученію исторіи», «о связи церковной исторіи съ богословіемъ», «разсужденіе о древнемъ христіанскомъ богослуженіи и особенно о пѣниіи русской церкви». Признательность къ преосвященному Тихону, помогшему ему изъ пѣвческаго хора перейти въ академію, побудила его возстановить память о первомъ Тихонѣ святителѣ воронежскомъ, собрать уцѣлѣвшія устные преданія и записки очевидцевъ-свидѣтелей о св. Тихонѣ и издать полное описаніе его жизни и сочиненій съ нѣкоторыми историческими свѣдѣніями о новгородской и воронежской епархіяхъ. По смерти другаго своего благодѣтеля, епископа воронежскаго Иннокентія Полянскаго, онъ сказалъ надъ нимъ надгробное слово, которое и издалъ съ приложеніемъ историческаго списка всѣхъ воронежскихъ епископовъ. Такъ онъ положилъ начало своему историческому словарю о писателяхъ духовнаго чина.

Въ 1793 году Евфимій Болховитиновъ былъ поставленъ священникомъ въ Воронежъ. На о. Евфимія посмотрѣли тогда съ неудовольствіемъ; думали, что женитьба и приходская служба отвлекутъ его отъ ученыхъ занятій. Воронежскій губернаторъ замѣтилъ другу Болховитинова Македонцу: «какъ ты допустилъ своему пріятелю жениться? Ты отнялъ у церкви великаго пастыря.» Но Болховитиновъ писалъ по поводу ходившихъ о немъ разговоровъ: «обо мнѣ не думайте какъ о женатомъ, ибо я и самъ иногда это забываю и всегда занимаюсь въ своемъ кабинетикѣ». Во вниманіе къ учебнымъ и ученымъ занятіямъ, Болховитиновъ въ 1796 году произведенъ въ санъ про-

тоіерея уѣзднаго города Павловска и, чтобы приходская служба не мѣшала его занятіямъ, оставленъ былъ при семинаріи въ Воронежѣ. Въ это время онъ обработывалъ свой обширный ученый трудъ, основанный на розысканіяхъ въ мѣстныхъ архивахъ — «Историческое, географическое и экономическое описаніе воронежской губерніи», которое тогда же и издано было въ географическомъ словарѣ. Труды и способности воронежскаго ученаго протоіерея, сколько намъ извѣстно, были поняты и оцѣнены другимъ ученымъ историкомъ, Николаемъ Николаевичемъ Бантышъ-Каменскимъ, управлявшимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ и приготовлявшимъ тогда первый систематическій трудъ по исторіи—свое «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі». Бантышъ-Каменскій лично познакомился съ протоіереемъ Болховитиновымъ и не прерывалъ знакомства и переписки съ нимъ во всю свою жизнь. Представившійся вскорѣ случай далъ ему возможность оказать рѣшительное вліяніе на судьбу и дальнѣйшій ходъ занятій Болховитинова.

Въ 1799 году у о. протоіерея Евфимія умираютъ, другъ за другомъ, дѣти и жена. Семейная утрата сильно подѣйствовала на его впечатлительную натуру. Бантышъ Каменскій, вмѣстѣ съ П. И. Литке (1), желая скорѣе вывести его изъ подъ гнета тяготившаго его чувства и дать ходъ его дарованіямъ, убѣ-

(1) Петръ Ивановичъ Литке, отецъ нынѣшняго президента Академіи Наукъ, проживалъ въ воронежскомъ помѣстьѣ и здѣсь познакомился съ Болховитиновымъ. Митрополитъ Евгеній всегда называлъ П. И. Литке своимъ близкимъ другомъ и благодѣтелемъ и въ монашествѣ принималъ имъ по имени его старшаго сына (см. чтенія И. К. Грота въ Записк. Акад. Наукъ, ст. 410, примѣч. 3).

диль его переѣхать въ Петербургъ и тамъ принять
новашество; Бантышъ-Каменскій написалъ о немъ
Петербуржскому архіепископу, впоследствии митропо-
литу, Амвросію Подобѣдову. Преосвященный Амбро-
сій вызвалъ Болховитинова въ Петербургъ. Въ началѣ
1800 г. Болховитиновъ пріѣхалъ въ столицу; въ нѣ-
сколько дней состоялось опредѣленіе св. синода объ
утвержденіи его въ должности префекта александро-
невской духовной академіи и о постриженіи. Письма
его къ Македонцу наглядно рисуютъ, какъ тяжело
было ему привыкать къ быстрымъ перемѣнамъ въ
жизни. Къ тому же въ академіи предстояли ему разно-
образныя занятія. На обязанности его, какъ префекта,
лежалъ надзоръ за нравственною и хозяйственною
частью академіи; онъ былъ преподавателемъ филосо-
фіи и высшаго краснорѣчія, читалъ лекціи по бого-
словію и исторіи. На немъ лежало завѣдываніе отчет-
ностью по монастырямъ, которыхъ онъ значился на-
стоятелемъ; сверхъ того онъ исправлялъ череду бого-
служенія въ Петербургѣ, былъ членомъ консисторіи,
назначался слѣдователемъ по дѣламъ монастырскимъ.
Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей много отвлекало
его отъ ученыхъ занятій исторіею. «Отъ множества
должностей—писалъ онъ Македонцу—рѣдко высыпаюсь
и оттого чувствую даже боль въ груди, въ спинѣ, въ
головѣ. Вся академія взвалена на мои плечи, и въ
ней 200 человекъ на всемъ содержаніи, а тамъ еще
два класса, консисторія, церковь и проч. Только и от-
дыху послѣ обѣда въ каждую субботу да воскресенье.»
«Жалованья отъ академіи 250, отъ монастыря 200 р.
и на карету 100. Спасибо, что я запасаюсь деньгами.
Жить покошеиски не хочется, да правда и свалыжни-

чать не для кого». Изъ за недостатка въ жалованьѣ онъ хотѣлъ читать лекціи по богословію въ университетѣ. «Хлопоты душать, да случились еще и огорченія. Владыка требуетъ строгости; я принялся было, но раздражилъ вольныхъ здѣшнихъ студентовъ. Скорѣе самому лопнуть можно, нежели упрямыхъ исправить... Недосуги мнѣ иногда дохнуть не даютъ. А недосуги сіи суть все мелочныя смотрѣнія за академистами. Но за мелочи здѣсь больше взыскиваютъ». Въ 1802 г. митрополитъ Амвросій, устроившій много училищъ въ новгородской епархіи, хотѣлъ въ кирилловскомъ монастырѣ открыть особую семинарію и «чуть-чуть было синодалные не присовѣтывали меня употребить на сіе дѣло съ опредѣленіемъ въ сей монастырь. Я горѣлъ нетерпѣніемъ оставить опасный Петербургъ хотя бы на всегда, а силы въ службѣ ослабѣваютъ уже при безчисленныхъ здѣшнихъ должностяхъ и дѣлахъ. Но митрополиту еще не угодно было это».

Не смотря на многосложныя занятія во время префектства въ академіи, Евгеній не оставлялъ занятій по русской исторіи. Онъ пересмотрѣлъ рукописи академіи, съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлалъ списки и такимъ образомъ дополнилъ свои знанія и свою бібліотеку. Приобрѣтенными свѣдѣніями онъ дѣлился и съ своими старыми друзьями. Въ письмѣ къ Македонцу онъ посылаетъ выписку изъ манускрипта духовной академіи: «въ ней увидите вы кое что до Воронска относящееся, чего въ обыкновенныхъ исторіяхъ нѣтъ. Вотъ какъ были внимательны и замѣчательны въ старину даже и пѣвчіе придворные, что писали журналы своего путешествія. А нынѣ и губернаторы вездѣ, даже и въ своихъ губерніяхъ, все проѣзжаютъ

безъ замѣчанія. По прочтеніи тетрадку сію положите въ бібліотеку народнаго училища. Я увѣренъ, что тамъ лучше знаютъ цѣну симъ мелочамъ, нежели въ семинаріи, гдѣ, конечно, бросили бы ее безъ вниманія и записанія, и мѣсяца черезъ три, можетъ быть, умный какой нибудь латынскій бібліотекаръ выбросилъ бы ее съ соромъ вонъ за то, что она не латынская и не печатная». Жизнь въ Петербургѣ, гдѣ сосредоточено высшее управленіе дѣлами россійской церкви, давала Евгенію возможность ознакомиться съ ходомъ современной ему церковной жизни, и въ письмахъ къ Македонцу онъ постоянно сообщалъ о бывшихъ перемѣнахъ въ іерархіи церковной и объ отношеніяхъ къ нимъ правительства (1).

Знакомство, пріобрѣтенное въ Петербургѣ, дало Евгенію возможность издать нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ сочиненій. Въ 1802 году онъ писалъ Македонцу: «провожу иногда вечера съ грузинскимъ преосвященнымъ Варлаамомъ (2), и знаете-ли, что изъ этихъ вечернихъ у меня съ нимъ времяпровожденій вышло? Онъ мнѣ все рассказывалъ да рассказывалъ про Грузію, а я слушалъ да слушалъ, да на усъ себѣ моталъ, а тамъ якъ присѣвъ писать, ажъ смотрю, уже цѣлая книга о Грузіи маранья скопилась. Прочелъ владыкѣ Варлааму, онъ ажъ изумился, и ну поправлять, пополнять, съ находящимися здѣсь грузинскими князьями совѣтываться и спрашиваться. Попросилъ я помощи и отъ Бантышъ-Каменскаго. Онъ все любопытное изъ своего гнѣзда мнѣ сообщилъ.

(1) Рус. Арх. 773, 774, 789—791, 799, 822, 827, 828, 832, 835, 843.

(2) Пресов. Варлаамъ былъ вызванъ для присутствія въ св. синодѣ и жилъ въ янвской дѣвѣ.

Вотъ и книга. Показалъ митрополиту. Одобрилъ; вѣлѣно напечатать, и теперь уже подъ тисками... Мы съ грузинскими сами хохочемъ, что изъ шутокъ вышла книга. Названіе ея есть слѣдующее: «Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея отношеніи». Тамъ увидите и погрузински «Отче нашъ» и нѣсколько стиховъ. И все это писалъ человѣкъ, ни слова погрузински не знающій и отъ роду Грузіи не видавшій». Евгеній придавалъ шуточное значеніе своему труду; между тѣмъ онъ основанъ на рассказахъ самыхъ образованныхъ людей Грузіи, хорошо знавшихъ свою страну; онъ составленъ по подлиннымъ бумагамъ архива иностранныхъ дѣлъ и замѣчаніямъ Бавтышъ-Каменскаго; при составленіи его Евгеній пользовался и прежними сочиненіями по дѣламъ Грузіи; исторія Грузіи тогда же была переведена на иностранные языки; Шлецеръ въ заграничномъ журналѣ сдѣлалъ о ней похвальный отзывъ, который прислалъ лично и Евгенію (1). Были и другіе случаи, вызывавшіе Евгенія на историческіе труды. Въ 1800 г. іезуитъ Груберъ, послѣ генераль іезуитскаго ордена, вкравшійся въ милость императора Павла I, представилъ ему проэктъ о соединеніи православной русской церкви съ латинской; Павелъ I, покровительствовавшій ордену, принялъ этотъ проэктъ и желалъ имѣть о немъ отзывъ петербургскаго митрополита; м. Амвросій поручилъ составить этотъ отзывъ Евгенію, какъ знатоку исторіи и церковныхъ законовъ, и Евгеній составилъ «Каноническое изслѣдованіе о папской власти въ христіанской церкви», которое

(1) Рус. Арх. 814, 815, 817, 824, 826.

нѣсколько охладило довѣренность императора къ іезуитамъ, а въ высшемъ обществѣ, воспитанномъ въ латинскихъ школахъ, вызвало сильное неудовольствіе на Евгенія: «много тогда было и на меня роптаній; но, слава Богу, обошлось безъ напасти» (1).

Въ 1803 г. директоръ вѣнской бібліотеки Ганкаде-Ганкенштейнъ прислалъ въ св. синодъ составленное имъ «Разсмотрѣніе древнѣйшаго, будто бы, кодекса первобытной славянской церкви» съ просьбою, чтобы синодъ далъ свое мнѣніе въ спорѣ австрійскихъ филологовъ о происхожденіи и древности кирилловской азбуки. Синодъ поручилъ разсмотрѣть этотъ вопросъ Евгенію, какъ знатоку древнихъ славянскихъ рукописей. Евгенийъ составилъ на книгу Ганки свои примѣчанія и представилъ ихъ м. Амвросію, который и сообщилъ ихъ синоду, прибавивъ при этомъ, что разборъ книги болѣе относился къ дѣлу россійской академіи (2).

Общій рассказъ о дѣятельности Евгенія въ александровской академіи должно дополнить описаніемъ его занятій со студентами по русеской исторіи. Лекціи, составленныя въ Воронежѣ, онъ читалъ и въ академіи, но дополнялъ ихъ новыми рассказами, заимствованными изъ исторіи Татищева и Щербатова и дополненными самостоятельными изслѣдованіями. Подъ руководствомъ его студенты охотно занимались исторіей отечественной церкви: Евгенийъ давалъ имъ темы, подбиралъ источники, студенты составляли свои изслѣдованія, которыя Евгенийъ исправлялъ, гдѣ нужно

(1) Овворовъ. Труд. Кіев. Акад. стр. 262. Иванов, въ Ж. М. Н. Пр. 714.

(2) Чистовичъ. Истор. пет. дух. акад. стр. 122.

передѣлывалъ; и эти сочиненія потомъ публично читались студентами на годовичныхъ академическихъ актахъ. Таковы: «историческое изслѣдованіе о соборахъ російской церкви», «разсужденіе о соборномъ дѣяніи, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1157-мъ году на еретика Мартина», «разсужденіе о книгѣ *Православное Исповѣданіе*, сочиненной кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою», «историческое разсужденіе о чинахъ греко-російской церкви». Означенныя изслѣдованія Евгеній назвалъ своими послѣдними трудами въ Петербургѣ надъ ученическими опытами и въ своей автобіографіи помѣстилъ въ числѣ своихъ сочиненій. «До насъ въ Петербургѣ этого не бывало; а если правду митрополитъ и другіе говорятъ, то де и впредь не скоро будетъ. Его бранятъ, зачѣмъ онъ меня скоро выпустилъ. А я такъ хвалю его за это» (1). Такъ писалъ Евгеній Македонцу изъ Новгорода, куда онъ былъ опредѣленъ на должность викарія новгородской митрополіи.

Мы встрѣчаемся съ замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія. Почти весь болѣе или менѣе выдающіеся труды, касающіеся разбора русской церковной жизни и богословской науки, вышли изъ подъ пера русскихъ архинастырей. Въ исторіи намѣчены и причины этого явленія. Лучшія силы и дарованія, выходявшія изъ духовно-учебныхъ заведеній, съ настойчивымъ вниманіемъ привлекались доселѣ къ поступленію въ монашество, въ видахъ замѣщенія іераршескихъ каѳедръ. Въ рукахъ іерарховъ сосредоточивалась вся инициатива того или другаго

(1) Р. Арх. 811.

направленія въ религіозномъ образованіи; въ ихъ власти была цензура книгъ; отъ нихъ поэтому зависѣла и успѣшная разработка исторіи русской церкви. Въ прошломъ столѣтіи россійская академія хотѣла печатать древніе россійскіе хронографы и сообщила о томъ сенату, прося разрѣшенія; сенатъ въ свою очередь переслалъ дѣло въ св. синодъ и просилъ дать свое заключеніе. Св. синодъ опредѣлилъ: «разсуждаемо было, что въ академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ писаны джи явственныя... Изъ приложеннаго для апробаціи видится, что (томовъ тѣхъ исторій) будетъ много, и если напечатаны будутъ, чтобы многіе были къ покупкѣ охотники, безнадежно, понеже и штиль единъ воспящать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покупкѣ охоту возымѣли, то, первому тому покупку учиня, до послѣдующихъ весьма не приступать. Того ради не безопасно, дабы не принеслось отъ того казенному капиталу какова ущербъ» (1). И академія должна была приостановить изданіе хронографовъ и исторій. Митрополиту Евгенію самому приходилось испытывать значеніе сочувствія епархіальной власти къ занятіямъ исторіею. Когда, по порученію Евгенія и графа Румянцева, нужно было протоіерею Григоровичу осмотрѣть западно-русскіе архивы, чтобы выбрать нѣсколько грамотъ и сдѣлать съ нихъ списки; то мѣстные преосвященные не допускали Григоровича до осмотра архивовъ. Румянцевъ принужденъ былъ писать къ этимъ преосвященнымъ, посылать имъ подарки, чтобы они позво-

(1) Истор. Акад. Наукъ, Пекарскаго т. I.

лили Григоровичу осмотрѣть свои архивы. Вотъ почему въ предисловіи къ изданію «Исторіи россійской іерархіи», составленной при непосредственномъ участіи м. Евгенія, главнымъ условіемъ успѣха разработки русской церковной исторіи поставлено «патріотическое содѣйствіе преосвященныхъ епархіальныхъ, которые, всякъ по своей части, удобнѣе могутъ дополнить недостатки и исправить погрѣшности онаго».

Самъ архіерея, при личныхъ дарованіяхъ и склонности Евгенія къ ученымъ занятіямъ, открывалъ обширное поприще для его ученой дѣятельности. Евгеній выступилъ въ жизнь самостоятельную, обезпеченную въ матеріальныхъ средствахъ, болѣе свободную отъ мелкихъ порученій, которыя могли бы задерживать его ученыя работы. Правда, управленіе епархіею представляло само по себѣ трудъ многосложный и требовало много вниманія; но оно не отнимало возможности заниматься наукой. Среди занятій епархіальными дѣлами, преосв. Евгеній находилъ для себя первое и главное развлеченіе въ занятіяхъ исторіей, которыя впрочемъ не были работой между дѣлъ, а были такъ же серьезны, какъ и труды по епархіи. Самыя епархіи, которыя занималъ преосв. Евгеній, были богаты воспоминаніями исторической жизни, давали ему обильный матеріалъ для розысканій и тѣмъ вызвали его на ученую историческую работу. Можно думать, что, при опредѣленіи преосвященнаго Евгенія на епархіи, имѣли въ виду и его ученыя занятія; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что назначеніе его на нѣкоторыя епархіи происходило не безъ собственнаго участія Евгенія и лицъ къ нему расположенныхъ.

1-го января 1804 г. Евгеній назначенъ на долж-

ности викарія новгородской митрополіи. «Признаюсь; презабль онь Македонцу,—я не ожидалъ столь скоро выхити изъ послушниковъ, да и не вышелъ бы такъ скоро, если бы благоволеніе архипастыря нашего не было ко мнѣ особенное. Владыка выбралъ меня, и я сердечно готовъ ему жертвовать всею собою». «Теперь душа на мѣстѣ. Служба (въ Питерѣ) была не долга, но крайне тяжела. Содержаніе мое здѣсь довольное, ибо около 2400 р. придется всего. Судите же, можно ли мнѣ желать своей епархіи, изъ коихъ рѣдкая принесетъ такое довольство, а пріятностей (кромѣ самовластія) несравненно меньше. Служу въ соборѣ каждое воскресенье и всегда съ проповѣдью... Къ здѣшнимъ боярамъ рѣдко выѣзжаю; ибо все они разбились на несогласныя партіи, и другъ друга ѣдятъ» (1). Такимъ образомъ жизнь въ Новгородѣ открывала Евгенію большую возможность заниматься научными историческими изысканіями, хотя служебныя занятія по управленію епархіальными дѣлами и отвлекали его по временамъ отъ научныхъ занятій.

Новгородъ видомъ своихъ развалинъ, своею прошлою жизнью, вызывалъ преосвященнаго Евгенія къ историческимъ розысканіямъ съ самыхъ первыхъ дней его пріѣзда. Евгенийъ писалъ: «я часто со вздохомъ взираю на мѣсто Ярославля двора, на руины княжаго дому, на щепень Марейныхъ палатъ, на мѣстѣ коихъ, кажется, никто со времени смерти ея не осмѣлился еще ставить своего жилья. А софійскій соборъ—*palladium* древнихъ новгородцевъ! Онь много видѣлъ около себя происшествій славныхъ и позорныхъ, радостныхъ и

(1) Р. Арх. 834, 837, 840.

Хр. Чт. № 7. 1872 года.

плачевныхъ. Онъ всё ихъ пережилъ, былъ и увѣшиваемъ трофеями, и омываемъ слезами. Такой старецъ достоинъ низкаго поклона отъ всякаго мимоходящаго. И онъ-то у меня передъ окнами! Я, часто развертывая, глядя на него, новгородскую лѣтопись, писанную точнымъ стариннымъ языкомъ новгородцевъ, возобновляю въ сердцѣ моемъ при оригинальныхъ ихъ фразахъ оригинальныя ихъ чувствованія и самъ себѣ кажуся существующимъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ... Я могъ бы открыть здѣсь многое, сокровенное отъ русскихъ исторіописателей (1).

Библіотека новгородскаго софійскаго собора, состоявшая изъ множества древнихъ рукописныхъ книгъ, открывала обширный запасъ свѣдѣній о древне-русской религіозной образованности новгородскаго края, сообщала свѣдѣнія о древне-русскихъ писателяхъ, о которыхъ или мало или совершенно не говорилось въ печатныхъ изданіяхъ, свѣдѣнія о такихъ сочиненіяхъ, которыя еще не были разобраны и описаны. И Евгеній приступилъ къ собиранію свѣдѣній объ этихъ писателяхъ и сочиненіяхъ, словомъ—приступилъ къ составленію историческаго словаря о російскихъ писателяхъ духовныхъ и свѣтскихъ, природныхъ и чужестранныхъ, задуманнаго имъ еще въ Петербургѣ. По поводу этого словаря, онъ переписывался съ разными учеными и писателями и получалъ отъ нихъ новыя свѣдѣнія въ дополненіе къ своимъ. Сообщая о своихъ занятіяхъ Македонцу, онъ тутъ же приписывалъ: «вы видите, что я все еще школярничаю и, думаю, по смерть не отстану» (2).

(1) Чтенія Н. И. Срезневскаго, стр. 5 и 6.

(2) Р. Арх. 843, 844.

Совѣйская новгородская бібліотека, кромѣ матеріала для составленія историческаго словаря, дала преосв. Евгенію обильный матеріалъ и для другихъ историческихъ работъ, изъ которыхъ однѣ онъ тогда же печаталъ въ журналахъ, другія оставались неизданными до удобнаго времени. Въ бытность въ Новгородѣ имъ открыты грамоты новгородскихъ князей Мстислава и Всеволода, жалованная новгородскому юрьеву монастырю и представлявшія собою одинъ изъ первыхъ памятниковъ древняго русскаго церковнаго законодательства; на эти грамоты Евгеній сталъ готовить свои замѣчанія, которыя впоследствии издавалъ нѣсколько разъ, съ полнымъ разборомъ этихъ памятниковъ, со стороны исторической, канонической, археологической и палеографической (1). Издавая въ печати слово на память св. Никиты, епископа новгородскаго, произнесенное при переложеніи мощей этого святителя, Евгеній присовокупилъ къ нему и списокъ всѣхъ новгородскихъ архіереевъ (2). Но самымъ замѣчательнымъ трудомъ преосв. Евгенія въ Новгородѣ были составленные имъ три историческихъ разговора о древностяхъ новгородскихъ, которые были читаны воспитанниками семинаріи на публичныхъ семинарскихъ актахъ въ присутствіи самого Евгенія и многочисленной публики, до послѣдняго времени любившей собираться на семинарскіе публичные акты и экзамены. Евгеній писалъ о своемъ трудѣ Македонцу: «книга эта написана шутя для новгородцевъ, въ ребяческихъ разговорахъ. Однакожь разговоры сіи столько полюбились митрополиту, что онъ на свой счетъ

(1) Поном. въ Труд. К. Д. А., стр. 209, 213.

(2) Тамъ же, стр. 206.

ихъ напечаталъ. Пусть новгородцы памятуя, что Евгений, бывший у нихъ, не оставилъ безъ вниманія ихъ древнюю славу, которую и сами они забыли и почти ничего нынѣ не знаютъ» (1). Второй изъ разговоровъ новгородскихъ излагалъ соображенія пр. Евгения о язычествѣ новгородскихъ жителей, о распространеніи христіанства въ Новгородѣ и о дѣятельности новгородскаго духовенства. М. Амвросій, получивши эти разговоры въ рукописи, отвѣчалъ Евгению: «письмо и актъ экзаменовъ получа, много я утѣшенъ былъ, ибо читалъ съ особымъ удовольствіемъ. О Новгородѣ вы такъ написали, какъ будто съ начала его сами живете доселѣ. Благодарю отъ глубины сердца. Объявите мое удовольствіе и трудящимся въ ученіи». Тогда же митрополитъ писалъ князю Голицыну: «не угодно-ли будетъ вамъ поднести оную книгу Государю Императору. Она содержитъ всю древность Новгорода. Все было забыто, или, по крайней мѣрѣ, разсыяно, а Евгений собралъ въ одну кучу прекуръезную и прелюбопытную» (2).

Въ началѣ 1808 г. Евгений переведенъ на вологодскую епархію. «Я самъ выбралъ мѣсто въ Вологдѣ, и не ошибся. Это, могу сказать, сѣверная украинна, не поврежденная еще развратомъ большихъ дорогъ, никогда не отягчавшаяся войсками и безопасная отъ всѣхъ сосѣднихъ вражійхъ навітовъ, которые нынѣ отечеству нашему со всѣхъ сторонъ опасны». Но вскорѣ онъ жаловался на сырость климата, холодъ и неустройство своихъ покоевъ (3). Онъ объѣздилъ во

(1) Р. Арх. 865.

(2) Загор. въ Тр. К. Д. Ак., стр. 265—266.

(3) Р. Арх. 863, 864, 866.

вологодскую епархію, слѣдилъ не только за ходомъ церковныхъ дѣлъ, но и за остатками древности въ своемъ краѣ, отыскивалъ и записывалъ разныя мѣстные историческія преданія и сказанія. Плодомъ этихъ розысканій были собранные имъ матеріалы для обширныхъ историческихъ статей. Такъ были написаны имъ, во-первыхъ, статья о зырянскихъ древностяхъ, въ которой изложены свѣдѣнія о зырянскихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, о дѣятельности знаменитаго просвѣтителя зырянъ, Стефана пермскаго, о свойствахъ и характерѣ составленной имъ зырянской азбуки; во-вторыхъ, обстоятельная, по собственному выраженію Евгенія, исторія вологодской іерархіи, описаніе 88 монастырей вологодской епархіи и краткое свѣдѣніе о святыхъ угодникахъ вологодскихъ.

Въ половинѣ 1813 г. преосв. Евгеній переведенъ на епархію калужскую, не такъ давно еще открытую (въ 1799 г.) и разоренную наполеоновскимъ нашествіемъ. Преосв. Евгеній и посланъ былъ устроить эту епархію. Естественно, на первыхъ порахъ ему нѣкогда было заниматься наукой. «По новости епархіи и по множеству дѣлъ ничѣмъ ученымъ я не занимаюсь», — писалъ онъ изъ Калуги, «сила и охота заниматься науками проходить, да и досугу отъ должностей и знакомства мало» (1). Мѣстные архивы не давали ему никакого матеріала для историческихъ и археологическихъ розысканій. Евгенія просили описать военные дѣйствія двѣнадцатаго года въ калужской губерніи; но преосвѣщенный отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на официальные порученія, данныя другимъ лицамъ для опи-

(1) Фавор. въ Тр. К. Д. А. 269.

санія наполеоновскаго нашествія, и на разногласіе народной молвы съ печатными исторіями объ отечественной войнѣ (1). Оттого, когда, устроивъ епархіальныя дѣла, преосв. Евгенийъ возвратился къ своимъ ученымъ занятіямъ, они получили у него новый характеръ. Онъ началъ сводить свои историческія работы, группировать ихъ, дѣлать изъ нихъ отдѣльныя изслѣдованія. Въ бытность въ Калугѣ Евгенийъ издалъ наконецъ и свой многолѣтній трудъ, уже не прежній опытъ, но полный историческій словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина.

Весною 1816 г. преосв. Евгенийъ переведенъ былъ на епархію псковскую. Здѣсь открывалось новое поле для историческихъ розысканій. Много сохранилось еще развалинъ древней псковской области, которыя на каждомъ почти шагу напоминали о прошлой ея жизни, своеобразной по своему политическому и церковному складу. Преосв. Евгенийъ опять началъ осматривать древніе памятники, письменные и неписьменные, разбирать архивы монастырскіе и губернскіе, дѣлать выписки и составлять всему описаніе. Плодомъ новыхъ розысканій были составленныя имъ описанія разныхъ монастырей псковской епархіи, описаніе рукописей, хранящихся въ монастыряхъ, археологическое и статистическое описаніе древняго города Изборска. Самымъ главнымъ историческимъ трудомъ преосв. Евгения, во время управленія псковской епархіей, была «Исторія псковскаго княжества», въ которой онъ изложилъ собранныя имъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о политической и церковной жизни

(1) См. письмо Евгения къ гр. Хвостову отъ 28 сентября 1813 г., изд. Академією Наукъ въ чтеніяхъ Я. Грота, стр. 153.

псковскаго края, начиная съ древнихъ временъ до XIX столѣтїя. Трудъ этотъ былъ дополненъ, исправленъ и изданъ въ печати въ 1831 году.

Шесть лѣтъ пробылъ преосв. Евгеній въ Псковѣ, закончивъ здѣсь изученіе древней жизни обширнаго сѣвернорусскаго края, и за тѣмъ переведенъ былъ на югъ, въ Кіевъ, въ другой центръ древнерусской жизни, историческое значеніе котораго не утратилось и въ описываемое время въ виду подготовлявшагося воссоединенія униатовъ. Въ Кіевѣ митрополитъ Евгеній, при помощи раскопокъ, сдѣлалъ много археологическихъ открытій и описаній, вновь издалъ «Кіевскій синопсисъ», замѣчательное сочиненіе, приписываемое перу кіевскаго ученаго Иннокентія Гизеля, содержащее въ себѣ краткую исторію кіевскаго края до временъ царя Θεодора Алексѣевича и до изданія Ломоносовымъ «Краткаго російскаго лѣтописца» бывшее единственною печатною книгою по русской исторіи. М. Евгеній дополнилъ синопсисъ новыми свѣдѣніями: внесъ въ него списки послѣдующихъ русскихъ и литовско-польскихъ государей, списки новыхъ малоросійскихъ гетмановъ и кіевскихъ митрополитовъ. Въ то же время м. Евгеній не оставлялъ и самостоятельныхъ изслѣдованій по исторіи кіевскаго края. Онъ составилъ «Описаніе кіевософійскаго собора и кіевской іерархіи», въ которомъ собралъ и изложилъ весь лѣтописныя сказанія о началѣ христіанства въ Кіевѣ, о началѣ кіевскихъ церквей и перемѣнахъ въ кіевософійскомъ соборѣ, о началѣ и судьбѣ кіевской іерархіи, гдѣ въ біографіяхъ кіевскихъ митрополитовъ, на основаніи приложенныхъ въ концѣ грамотъ, довольно подробно описалъ отношенія къ нимъ литов-

ско-польскихъ государей, равно какъ происки и стѣсненія православію отъ латинянъ и уніатовъ. Вторымъ замѣчательнымъ трудомъ м. Евгенія въ Кіевѣ было «Описаніе кіевопечерской лавры», въ которомъ онъ собралъ обильный матеріалъ для исторіи кіевопечерскаго монастыря и жизни его подвижниковъ, приложилъ уставы и грамоты князей, опредѣлявшіе юридическія права и содержаніе кіевопечерскаго монастыря, представилъ разные планы кіевскихъ пещеръ, разъяснявшіе историческую судьбу ихъ въ различное время.

Ученныя работы м. Евгенія и его обширныя свѣдѣнія по исторіи древнерусской жизни съ равныхъ поръ обратили на него вниманіе правительства. Преосв. Евгеній постоянно былъ приглашаемъ въ различные комитеты и собранія, которые, хотя не имѣли научной цѣли и клонились только къ разрѣшенію практическихъ общественныхъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе всегда вызывали Евгенія на новые историческіе труды. Въ разрѣшеніи возникавшихъ вопросовъ, преосв. Евгеній всегда становился на историческую точку зрѣнія и научно опредѣлялъ ихъ историческую подготовку и историческое предрѣшеніе. Мы упоминали уже о его ученыхъ трудахъ въ алексадро-невской академіи по поводу предложенія іезуита Грубера о соединеніи церквей, по поводу предложенія Ганки-де-Ганкенштейна о пересмотрѣ кодекса первобытной славянской церкви. Укажемъ на другіе его труды, составленные по поводу разныхъ правительственныхъ порученій. Въ 1802 г. устраивался комитетъ благотворительнаго общества; Государь, узнавши объ архимандритѣ Евгеніи, самъ избралъ его членомъ этого

общества и поручилъ ему составить планъ дѣйствій комитета. Евгенийъ счелъ нужнымъ представить прежде всего историческое обозрѣніе русскихъ законоположеній относительно призрѣнія бѣдныхъ, убогихъ и престарѣлыхъ, примѣняя его къ разсужденіямъ и дѣятельности благотворительнаго комитета, и вмѣстѣ съ планами дѣйствій комитета представилъ его на высочайшее разсмотрѣніе (1). Въ 1800 г. по московской дорогѣ, въ селѣ Чудовѣ, открыта была секта духоборцевъ; два духоборца присланы были въ александровскую лавру къ Евгению для дознанія ученія ихъ секты, и Евгенийъ по этому поводу составилъ новое историческое «Исслѣдованіе исповѣданія духоборческой секты», которое имъ и представлено было въ св. синодѣ вмѣстѣ съ донесеніемъ (2). М. Амвросій, во всемъ довѣрившій своему новгородскому викарію, въ 1805 г. вызвалъ его въ Петербургъ произвести ревизію здѣшней академіи. Но «важнѣйшее мое занятіе въ Петербургѣ—писалъ преосв. Евгенийъ Македонцу—были планы о реформѣ и новыхъ штатахъ всѣхъ духовныхъ училищъ». Евгенийъ признавался, что имъ и внушена была митрополиту мысль о необходимости реформы въ духовноучебныхъ заведеніяхъ. «Проектъ мой читанъ Государю и отменно уваженъ. Теперь онъ въ синодѣ, и синодальные члены, кромѣ митрополита, оспариваютъ одинъ только пунктъ — подчиненіе семинарій академіямъ. Это не по сердцу епархіальнымъ. Но кто же виноватъ, что многіе епархіальные не радятъ объ успѣхахъ въ своихъ семинаріяхъ и жа-

(1) Савор. въ Тр. К. Д. Ак. 263. Иванов. въ Ж. М. П. Пр. 718.

(2) Р. Арх. 773. Чистов. Иссл. пер. дух. акад. ст. 121—122.

лованьемъ располагають по самопроизволу, а о достоинствѣ опредѣляемыхъ ими учителей многіе и понятія не имѣють» (1). Въѣствѣ съ планомъ преобразованія духовныхъ учебныхъ заведеній, Евгенийъ составилъ тогда особую обширную историческую записку «О началѣ и характерѣ духовныхъ училищъ въ Россіи, съ хронологическимъ указаніемъ всѣхъ бывшихъ о нихъ предписаній и указовъ», и эту записку приложилъ къ своему проекту. Обширныя свѣдѣнія преосв. Евгенія по части древнерусскаго церковнаго законодательства и составленный имъ обстоятельный разборъ разныхъ древнерусскихъ грамотъ указывали въ немъ ученаго знатока древнерусскаго и въ частности церковнаго русскаго права, свѣдѣнія котораго весьма могли быть полезны во время подготовлявшейся тогда реформы русскаго законодательства. Въ 1817 году Евгенийъ составилъ особую историческую записку о Кормчей книгѣ и отправилъ ее въ комиссію составленія законовъ. Заправлявшій дѣлами этой комиссіи князь Лопухинъ отвѣчалъ ему письмомъ, въ которомъ, отдавая уваженіе его обширнымъ познаніямъ въ отечественной исторіи и церковномъ правѣ, извѣщалъ, что представленныя имъ свѣдѣнія о Кормчей книгѣ, комиссія нашла «не только нужными ей, но совершенно полезными», просилъ дальнѣйшаго содѣйствія преосв. Евгенія въ трудахъ комиссіи и прислалъ ему дипломъ на званіе почетнаго ея корреспондента. Преосв. Евгенийъ отвѣчалъ: «если я имѣлъ случай заслужить краткимъ моимъ замѣчаніемъ о славянской Кормчей книгѣ, то сіе самое убѣдитъ меня еще прилежниѣе заняться-

(1) Р. Арх. 840, 842, 843.

ся изслѣдованіемъ сего и другихъ подобныхъ сему предметовъ для комиссіи, дабы тѣмъ оправдать предложенное мнѣ титло корреспондента оной» (1). Плодомъ новыхъ трудовъ для комиссіи было составленное Евгеніемъ «Историческое обозрѣніе російскаго законоположенія», къ обзору котораго приложены собранныя имъ историческія свѣдѣнія о старинныхъ московскихъ допетровскихъ приказахъ, о старинныхъ чинахъ въ Россіи, о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ (2). Можно думать, что преосв. Евгеній представилъ обширный запасъ историческихъ свѣдѣній и въ секретный комитетъ по дѣламъ раскольниковъ и масоновъ, куда онъ былъ вызванъ изъ Кіева; можно думать такъ потому, что м. Евгеній, воспитанный подъ вліяніемъ новиковской школы, долженъ былъ близко знать дѣла масонскихъ ложъ, и потому, что еще во Псковѣ онъ собиралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ раскольникахъ и сектантахъ, о которыхъ и составилъ особую историческую записку.

Если дѣятельность въ комитетахъ, не имѣвшихъ собственно научныхъ цѣлей, вызвала преосв. Евгенія къ новымъ научнымъ розысканіямъ по отечественной исторіи; то мы не удивимся, если знакомство его съ учеными обществами и лицами вызывало его къ разнообразнѣйшей и обширнѣйшей перепискѣ съ ними по научнымъ историко-библіографическимъ и археологическимъ вопросамъ, и къ многочисленнымъ ученымъ изслѣдованіямъ по этимъ вопросамъ. Основательныя познанія м. Евгенія въ разныхъ наукахъ и обширныя

(1) Иванов. въ Ж. М. Н. Пр. 754, 725.

(2) Пономар. въ Тр. К. Д. Ак. 217.

самостоятельныя свѣдѣнія, прибрѣтенныя имъ во время долговременныхъ занятій по исторіи русской науки и жизни, дѣлали его необходимымъ человѣкомъ въ кружкахъ ученыхъ людей, интересовавшихся успѣхами отечественной образованности. Добродушіе, готовность помочь всякому нуждавшемуся и простота въ сношеніяхъ съ людьми дѣлали его общедоступнымъ для всѣхъ и давали ученымъ людямъ возможность ближе сходитьсѣ съ нимъ и вступать въ ученые переговоры или переписку. Одни изъ этихъ ученыхъ были товарищами м. Евгенія по слушанію лекцій въ московскомъ университетѣ; съ другими онъ сходилсѣ по службѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Для успѣха въ своихъ занятіяхъ преосв. Евгеній и самъ искалъ знакомства съ учеными людьми; онъ открыто признавался, что труды его для своего усовершенствованія требуютъ занятій не одного человѣка, но взаимнаго содѣйствія многихъ лицъ и цѣлыхъ обществъ ('). Вотъ почему съ раннихъ поръ своей ученой дѣятельности онъ вступалъ въ знакомство и переписку съ разными учеными людьми и не оставлялъ этого знакомства и переписки до самаго конца своей жизни. Вотъ почему съ раннихъ поръ мы видимъ его членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ. Онъ имѣлъ болѣе 20 дипломовъ отъ разныхъ обществъ и учреждений и во всѣхъ этихъ обществахъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и неутомимымъ труженикомъ русской исторической науки. Благодаря сохранившейся перепискѣ м. Евгенія съ разными учеными лицами, мы можемъ точно опредѣлить, какимъ вліяніемъ на его

(') Словарь свѣт. писат. т. I, предисл.

ученыя занятія сопровождалось его знакомство съ учеными обществами и лицами. Оно постоянно поддерживало его энергію и силу въ научныхъ историческихъ розысканіяхъ, успокаивало и развлекало его среди многоразличныхъ хлопотъ и занятій по епархіи; наконецъ оно увеличивало болѣе и болѣе и безъ того богатый запасъ его историческихъ свѣдѣній, такъ что, только благодаря ему, онъ могъ составить и издать свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ многихъ изъ тѣхъ писателей, которые онъ сообщалъ въ своихъ историческихъ словаряхъ. Въ каждой академіи и въ университетахъ онъ имѣлъ своихъ корреспондентовъ, которые высылали ему послужные списки разныхъ профессоровъ, при чемъ сообщались свѣдѣнія объ ихъ научной дѣятельности и характерѣ ихъ произведеній. Сотрудничество м. Евгенія въ академіи наукъ дало ему возможность подробно изучить состояніе отечественной науки въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія и особенно ознакомиться съ успѣхами научной разработки отечественной исторіи, которые онъ подробно изложилъ въ біографіяхъ историковъ — членовъ академіи наукъ XVIII вѣка. Самый историческій словарь его былъ такимъ образомъ сводомъ и переработкою свѣдѣній, которыя онъ получилъ отъ разныхъ ученыхъ лицъ и учреждений. Но кромѣ словаря, м. Евгеній написалъ много другихъ статей историческаго содержанія, которыя онъ посылалъ въ разные ученыя историческія общества; нѣкоторыя изъ его статей тогда же печатались въ журналахъ этихъ обществъ, а нѣкоторыя присоединялись къ дѣламъ обществъ и до сихъ поръ лежатъ въ ихъ архивахъ. Такъ онъ писалъ отдѣльныя статьи для академіи на-

угъ, для общества любителей російской словесности, для дерптскаго университета (1). Какъ онъ смотрѣлъ на дѣла ученыхъ обществъ и какъ онъ готовъ былъ удѣлять имъ часть изъ своихъ работъ и свѣдѣній, объ этомъ можемъ судить по отрывку изъ писемъ его къ профессору казанскаго университета Городчанину. Въ Казани только что открыто было при университетѣ общество любителей отечественной словесности; Городчаниновъ, товарищъ преосв. Евгенія по московскому университету, назначенъ былъ председателемъ ученаго общества, и Евгенийъ пишетъ Городчанинову: «прошу чаще увѣдомлять меня о новостяхъ и открытіяхъ казанскихъ. А въ вашей Америкѣ много для насъ новаго и свѣту неизвѣстнаго. Путешествовавшіе по вашимъ краямъ повторяли намъ только Линнея, а себѣ собирали собольи шубы. Но для русскихъ ничего не сдѣлали и не открыли новаго». Евгенийъ избранъ былъ членомъ казанскаго общества и писалъ председателю его: «благодарю васъ за поздравленіе меня сочленствомъ вамъ и въ вашемъ обществѣ словесности. Старайтесь отличать оное отъ другихъ соименныхъ особливо казанщиною, а не иностранщиною въ переводахъ; развѣ съ татарскаго только, черемисскаго, мордовскаго и чувашскаго переводы могутъ быть вамъ приличны. Весьма бы желательно, чтобы сочлены ваши занялись собраніемъ и объясненіемъ словъ и фразъ татарскихъ, вошедшихъ въ нашъ языкъ. У васъ всѣ способы подъ руками... Происхожденіе разныхъ казанскихъ народовъ, замѣчаніе народныхъ различій, развалины, надписи, пре-

(1) Указаніе на эти статьи см. у Повомарева въ Тр. К. Д. А. ст. 205—207, 220; тоже въ ст. Иванов. въ Ж. М. Н. Ц. 734.

данія; пѣсни, пословицы и проч. много доставятъ вамъ любопытной матеріи; а пособія первоначальныя — въ Палласовыхъ, Миллеровыхъ и Георгіевыхъ путешествіяхъ. Во многомъ и ихъ поправите. Ибо они часто мимоѣздомъ обозрѣвали. Въ проѣздъ мой черезъ Москву, подарилъ я обществу исторіи многія подлинныя татарскія и калмыцкія грамоты. Если бы я зналъ, что буду у васъ казанскимъ сочленомъ, то приличнѣ всего отослать бы ихъ къ вамъ... Увѣдомьте меня, есть-ли у васъ по бібліотекамъ князя Курбскаго исторія о взятіи Казани, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Если нѣтъ, то я сообщилъ бы вамъ списокъ... Есть и еще у меня другая, краткая исторія о завоеваніи Сибири и Казани, также еще не издавшая. Могу и ее сообщить для общества» (1).

Интересно прослѣдить отношеніе м. Евгенія къ кружку графа Румянцева, чтобы видѣть, какимъ уваженіемъ пользовался Евгенийъ въ ученomъ мѣрѣ и какое вліяніе имѣлъ онъ на людей, занимавшихся отечественной исторіей.

Кружокъ графа Румянцева образовался съ десятихъ годовъ настоящаго столѣтія, когда знаменитый вельможа екатерининскаго вѣка сталъ съ искреннею любовью заниматься русскою исторіею, собирать повсюду рукописи и книги, окружилъ себя писателями и историками, давалъ имъ средства къ дальнѣйшимъ розысканіямъ по исторіи и самъ печаталъ ихъ труды. Митр. Евгенийъ познакомился съ графомъ Румянцевымъ еще въ бытность свою въ петербургской ака-

(1) Ж. М. Н. Пр. 1857, ч. 94, стр. 17—19. Фаворова въ Тр. К. Д. Ак.

деи, и образованіе кружка застало ихъ во взаимной дружественной перепискѣ. Понятно, что Евгеній долженъ былъ стоять однимъ изъ первыхъ въ этомъ кружкѣ. По вызовѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ каждую недѣлю заѣзжалъ къ Румянцеву и занимался въ его библіотекѣ рукописей. Это весьма радовало графа; послѣдній писалъ Григоровичу: «преосвященный митрополитъ Евгеній, къ душевному моему по-радованію, у меня обѣдалъ; до обѣда пробылъ въ моей библіотекѣ два часа, а послѣ обѣда туда же возвратился; вотъ какъ надо любить просвѣщеніе и все то, гдѣ къ нему путь открытъ!» Въ румянцевскомъ обществѣ м. Евгеній былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, заправлявшихъ научно дѣятельностью кружка. Румянцевъ посылалъ ему всѣ книги для разсмотрѣнія и одобренія, представлялъ ему разныхъ дѣятелей науки, прося указанія и помощи имъ въ ихъ работахъ. Въ этомъ же кружкѣ преосв. Евгеній познакомился съ однимъ изъ духовныхъ дѣятелей по разработкѣ русской исторіи, протоіереемъ Іоанномъ Іоанновичемъ Григоровичемъ, въ то время только что поступившимъ въ число студентовъ петербургской духовной академіи. Когда Григоровичъ, наставникъ могилевской семинаріи, въ которой онъ воспитывался, пріѣхалъ на каникулы къ своему отцу, въ мѣстечко Гомель, помѣстье графа Румянцева, и здѣсь сошелся съ графомъ; графъ склонилъ Григоровича поступить въ петербургскую духовную академію, чтобы дополнить свое образованіе. Здѣсь онъ поручалъ Григоровичу составлять для себя переводы, библіографическія описанія и рецензіи на выходившія историческія книги; вскорѣ поручилъ ему заняться сочиненіемъ

«О новгородскихъ посадникахъ». О молодомъ писателѣ-студентѣ графъ писалъ къ м. Евгенію: «я трудомъ его доволенъ; но только тогда въ печать его отдамъ, когда вы, изъ особеннаго ко мнѣ благоволенія, пересмотря его въ свободные часы, скажете мнѣ, что онъ тисненія достоинъ». Трудъ молодого писателя одобренъ, и Румянцевъ снова писалъ Евгенію: «премного обрадованъ былъ, что вы оправдать изволили мое заключеніе о способностяхъ юнаго сочинителя хронологическаго повѣствованія о новгородскихъ посадникахъ. Наставьте меня пожалуйста, какой ему опытъ новаго изысканія предложить; я въ особенную себѣ милость поставлю, ежели не одинъ предметъ, но предмета два или три мнѣ укажете». Известно, что Григоровичъ, уступая просьбамъ своего отца, вышелъ изъ академіи, не окончивъ полнаго курса, и поступилъ священникомъ въ Гомель, на отцовское мѣсто. Съ этого времени начинается непосредственное усиленное вліяніе м. Евгенія на ученую дѣятельность Григоровича. Митр. Евгеній, всегда начинавшій свои работы съ описанія мѣстныхъ памятниковъ исторіи, и на этотъ разъ указалъ протоіерею Григоровичу на необходимость приняться за собраніе и разработку памятниковъ церковной жизни бѣлорусскаго края. Вызывая Григоровича на такую работу, м. Евгеній хотѣлъ, чтобы труды его послужили къ дополненію только что вышедшей «Исторія російской іерархіи» преосв. Амвросія Орнатскаго и къ дополненію собственныхъ преосв. Евгенія изслѣдованій по исторіи кievской іерархіи. Заручившись синодскимъ указомъ, о. Іоаннъ сталъ объѣзжать бѣлорусскую епархію, осматривалъ архивы и

приступалъ къ составленію исторіи бѣлорусской епархіи по плану, напередъ разсмотрѣнному и одобренному м. Евгеніемъ. Трудъ Григоровича былъ оконченъ, посланъ вновь для одѣвки къ м. Евгенію, одобренъ, но остался не напечатаннымъ. Тогда, подѣ руководствомъ м. Евгенія, протоіерей Григоровичъ приступилъ къ новому собранію, переводу и изданію грамотъ западнорусскаго края и изданію литовскаго лѣтописца, и въ 1824 году явился въ печати «Бѣлорусскій архивъ», доставившій автору извѣстность въ наукѣ. Графъ Румянцевъ писалъ Григоровичу, чтобы онъ всѣ печатные листы отправлялъ къ м. Евгенію, для прочтенія. Преосвященный Евгеній внимательно прочитывалъ ихъ, дѣлалъ на нихъ свои замѣтки и поправки; когда же скончался графъ Румянцевъ, вновь просилъ Григоровича не прекращать взаимной переписки и взаимнаго благорасположенія (1).

Послѣдній знакъ вниманія графа Румянцева къ м. Евгенію, когда графъ, передъ своею смертію, завѣщалъ кievской академіи 3,000 р., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этихъ денегъ выдавались «въ честь и имя преосвященнаго Евгенія» тому изъ студентовъ академіи, который лучше опредѣлитъ или объяснитъ какую-либо россійскую древность по указанію митрополита, побуждаетъ насъ перейти къ тѣмъ трудамъ м. Евгенія, которые онъ употребилъ для усиленія преподаванія и разработки исторіи русской церкви собственно въ нашихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ.

Наши духовноучебныя заведенія до настоящаго

(1) См. переписку гр. Румянцева и м. Евгенія съ прот. Григоровичемъ въ Чт. Общ. Ист. и Древн. 1864 г., № 2.

столѣтія не могли похвалиться научною разработкою исторіи отечественной церкви. Церковная русская исторія не только не разрабатывалась въ нихъ, но и не преподавалась. Если между духовными и встрѣчались иногда люди, занимавшіеся русскою исторіею; то своими свѣдѣніями они обязаны были не духовнымъ школамъ, но или собственнымъ трудамъ, или, больше всего, трудамъ иностранцевъ и русскихъ, но учившихся въ свѣтскихъ школахъ и подъ вліяніемъ иностранцевъ. Адамъ Селлій, учившій въ александровской школѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, первый послѣ Θεодора Поликарпова началъ собирать свѣдѣнія по русской церковной исторіи. Но Селлій былъ родомъ иностранецъ, учившійся за границей и въ невской школѣ совершенно не читавшій церковной исторіи. Рукописные труды Селлія перешли къ Амвросію Зертисъ-Каменскому, который также собиралъ свѣдѣнія по русской церковной исторіи. Часть записокъ Амвросія Зертисъ-Каменскаго погибла въ Москвѣ, во время чумы 1771 г. Преподававшаяся же въ духовныхъ школахъ исторія излагала по преимуществу факты исторіи западной церкви; такъ какъ послѣдняя достаточно была разработана въ заграничныхъ школахъ, у насъ же она читалась въ самомъ сжатомъ видѣ и въ общихъ чертахъ. Оттого въ половинѣ XVIII в. мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ фактомъ. Нужно было приступить къ новому изданію четы-миней св. Димитрія Ростовскаго и кіевскаго патерика; св. синодъ предписалъ найти между духовными ученыхъ людей «и въ св. писаніи и въ церковныхъ исторіяхъ искусныхъ», которымъ бы можно было поручить осмотрѣть эти книги, и «ежели

что въ нихъ, какъ св. писанію, духовному регламенту (даже въ богословскихъ реченіяхъ противъ великороссійскихъ книгъ) противное сыщется, такъ и недостовѣрное и церковными учителями и историками вѣры достойными неутвержденное, но весьма сумнительное окажется, то такую сумнительную и вѣроятія недостойную исторію отмѣтить въ концѣ житія сятаго, о которомъ идетъ исторія, или, ежели возможно будетъ, исправить». На дѣлѣ оказалось, что между духовенствомъ не было такихъ ученыхъ и въ церковныхъ исторіяхъ искусныхъ людей, которые могли бы выполнить задачу св. синода: задача была не подъ силу; требовалась критика разныхъ историческихъ свидѣтельствъ и умѣнье провѣрять факты ихъ сличеніемъ и разборомъ духовныя же школы не могли и не думали тогда выпускать изъ себя способныхъ къ этому ученыхъ историковъ. Не смотря на такой до очевидности сознанный недостатокъ въ людяхъ, знакомыхъ съ исторіею церкви, преподаваніе ея не усиливалось до самаго конца XVIII вѣка, пока свѣтскія школы не представили въ трудахъ своихъ ученыхъ и преподавателей готоваго матеріала, нужнаго для преподаванія. Дѣйствительно, съ одной стороны новиковское общество при московскомъ университетѣ, съ другой—нѣмецкіе и русскіе ученые при петербургской академіи наукъ успѣли собрать много историческаго матеріала и разработать его по нѣкоторымъ научнымъ вопросамъ. Въ это-то время митрополитъ московскій Платонъ сблизился съ московскимъ университетомъ и новиковскимъ обществомъ, позволилъ студентамъ академіи ходить на лекціи въ университетъ и ввелъ преподаваніе русской церковной

исторіи въ кругъ предметовъ московской академіи. Одновременно съ нимъ и въ Петербургѣ митрополитъ Гавріиль, преобразовавшій александроневскую семинарію въ главную семинарію, сблизился съ академіею наукъ, позволилъ студентамъ посѣщать ее и слушать тамъ лекціи и также ввелъ преподаваніе церковной исторіи въ кругъ предметовъ главной семинаріи. Но программы для исторіи оставались самыя узкія; преподаваніе русской церковной исторіи шло вмѣстѣ съ общей церковной, въ самомъ краткомъ видѣ и съ показаніемъ только главныхъ событій церковной жизни, ограничиваясь выдержками изъ лѣтописцевъ, изъ исторій Татищева и Щербатова, безъ основательнаго изученія памятниковъ древнерусской литературы. Какъ мало тогда обращали вниманія на преподаваніе русской церковной исторіи, можно судить по тому, что съ преобразованиемъ главной семинаріи въ алекса́ндро-невскую академію русская церковная исторія причислена была къ предметамъ экстраординарнымъ; ею могли заниматься студенты только по желанію, и то въ послѣднемъ курсѣ (1).

Въ это-то время мы застаемъ Евгенія Болховитинова преподавателемъ въ воронежской семинаріи. Мы видѣли труды его здѣсь по исторіи русской церкви, и теперь скажемъ, что онъ усилилъ преподаваніе ея въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ: программа его лекцій въ воронежской семинаріи была почти программъ академическихъ; эпоха до нашествія татаръ отдѣлы-

(1) Истор. петер. дух. акад. Чистовича, стр. 18, 19, 27, 32, 65, 77, 80, 103, 106, 109.

валась въ его лекціяхъ обстоятельно. Перешедши изъ Воронежа въ петербургскую академію, Евгенийъ перенесъ и сюда свои труды по исторіи. Записки его по церковной исторіи, читанныя студентамъ академіи, хотя излагали вмѣстѣ общецерковную и русскую исторію, но обзоръ послѣдней въ нихъ былъ расширенъ. Изложеніе русской церковной исторіи раздѣлялось имъ на три періода: до татаръ, до изгнанія татаръ, и до упраздненія патриаршества. Подъ руководствомъ Евгения студенты академіи съ охотою занимались исторіей русской церкви и писали отдѣльныя изслѣдованія, которыя потомъ, какъ мы видѣли, читались на публичныхъ актахъ и привлекали многихъ посѣтителей. М. Амвросій, въ донесеніи св. синоду, съ особенною похвалою отзывался объ успѣхахъ студентовъ въ русской исторіи ⁽¹⁾, и преосв. Евгенийъ имѣлъ полное право писать о себѣ: «До насъ въ Петербургѣ этого не бывало; а если правду митрополитъ и другіе говорятъ, то де и впредь не скоро будетъ». Съ назначеніемъ на архіерейскую кафедру, преосв. Евгенийъ не пересталъ слѣдить за преподаваніемъ русской церковной исторіи въ семинаріяхъ и академіяхъ. Любовь къ этой наукѣ и высокой санъ дали ему возможность ввести преподаваніе исторіи во всѣ духовно-учебныя заведенія. Бывъ вызванъ въ Петербургъ для разсужденія о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, преосв. Евгенийъ внесъ въ свой проектъ особый пунктъ о необходимости усилить преподаваніе отечественной церковной и гражданской исторіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

(1) Чистовичъ. Ист. пет. дух. акад., стр. 113.

Благодаря участию м. Амвросія, замѣчаніе его было принято во вниманіе при дальнѣйшемъ разсужденіи о преобразованіи учебныхъ заведеній, и въ уставѣ, выработанномъ комитетомъ, преподаванію исторіи дано было право гражданства въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а на преподаваніе русской церковной исторіи предписывалось обращать особенное вниманіе (1). Пока новый училищный уставъ составлялся и приводился въ исполненіе, преосв. Евгеній сошелся въ Новгородѣ съ наставникомъ и префектомъ новгородской семинаріи Амвросіемъ Орнатскимъ, бывшимъ впоследствии епископомъ старорусскимъ, потомъ — пензенскимъ, возбудилъ и поддержалъ въ немъ, а черезъ него и въ новгородскихъ семинаристахъ, охоту къ занятіямъ отечественною исторіей. Замѣтивъ въ ученикахъ семинаріи, что «къ старымъ латинскимъ книгамъ нынѣшніе молодые люди не такъ-то охотники», преосв. Евгеній нарочно выписывалъ венгерскія латинскія газеты и отправлялъ ихъ къ семинаристамъ, чтобы пробудить въ нихъ охоту къ латинскому языку и въ то же время познакомить ихъ съ состояніемъ земель славянскихъ (2). Мы видѣли, какъ преосв. Евгеній знакомилъ воспитанниковъ новгородской семинаріи съ исторіей своего края, давъ имъ публично прочитать свои «Историческіе разговоры о Новгородѣ», и какъ м. Амвросій вновь благодарилъ Евгенія за его вниманіе къ семинаріи, объявивъ свое удовольствіе и трудящимся въ ученіи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ еще важнѣе тотъ замѣчательный

(1) Чистовичъ. Ист. пет. дух. акад., стр. 165, 167, 170, 184, 210, 214, 239.

(2) Р. Арх., ст. 859.

ученый трудъ по русской церковной исторіи, который своимъ происхожденіемъ обязанъ знакомству преосв. Евгенія съ новгородскимъ наставникомъ Амвросіемъ Орнатскимъ. Преосв. Евгеній склонилъ Амвросія заниматься собираніемъ каталоговъ російскихъ іерарховъ, монастырей, церквей, самъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ доставлялъ ему свои собранныя свѣдѣнія и ученныя изслѣдованія и такимъ образомъ далъ ему поводъ и возможность составить многотомный трудъ по «исторіи російской іерархіи», большая часть котораго издана подъ непосредственнымъ участіемъ и наблюденіемъ преосв. Евгенія. Многія главы этого труда состоятъ изъ статей, доставленныхъ Амвросію Евгеніемъ; особенно замѣчательны изъ нихъ: историческая записка о духовныхъ училищахъ въ Россіи, представленная въ комитетъ по преобразованію духовныхъ училищъ; введеніе въ исторію монастырей и свѣдѣнія о многихъ изъ нихъ. Здѣсь же помѣщенъ и ученый трудъ Адама Селлія «О церковной російской іерархіи», переводъ котораго на русскій языкъ служитъ новымъ доказательствомъ заботливости преосв. Евгенія объ успѣхѣ преподаванія русской церковной исторіи въ семинаріяхъ. По переходѣ на вологодскую епархію, чтобы занять вологодскихъ семинаристовъ, Евгеній поручилъ имъ сдѣлать переводъ съ латинскаго языка сочиненій Селлія: «О російской церковной іерархіи» и «Каталогъ писателей, сочиненіями своими объясняющихъ гражданскую и церковную російскую исторію»; послѣдній трудъ тогда же былъ изданъ въ печати отдѣльно, а первый отосланъ Амвросію, и хотя въ передѣлкѣ и дополненіяхъ, но весь

вошелъ въ «Исторію російской іерархіи» (1). Особенно много сдѣлалъ м. Евгеній для преподаванія исторіи русской церкви въ кievской академіи. Когда Румянцевъ внесъ капиталъ въ академію для стипендій за лучшія изслѣдованія по русской исторіи, м. Евгеній предложилъ программу сочиненія для соисканія стипендіи и самъ руководилъ трудами студентовъ при написаніи сочиненій, указывалъ имъ источники, давалъ рукописи и книги изъ своей бібліотеки, нарочно съ этою цѣлю посвѣщалъ кабинеты студентовъ, разбираалъ съ ними темы для сочиненій, и если случалось, что какихъ-либо нужныхъ для нихъ книгъ и рукописей не доставало ни въ академической бібліотекѣ, ни въ бібліотекѣ м. Евгенія, то преосвященный митрополитъ самъ выписывалъ для студентовъ нужныя имъ книги и рукописи изъ другихъ епархій и бібліотекъ. Подъ руководствомъ его составили свои изслѣдованія на стипендію румянцевскую: *Остромысленскій* «Объ Ильинской церкви, въ коей присягали игоревы Варяго-Руссы», *Соколовъ* «О времени крещенія російской великой княгини Ольги», *Новицкій* «О первоначальномъ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ» и о «Духоборцахъ»; для послѣдняго сочиненія м. Евгеній сообщилъ даже секретныя свои бумаги по дѣламъ раскольниковъ и сектантовъ. Къ концу жизни м. Евгенія столько образовалось въ кievской академіи студентовъ, желавшихъ писать сочиненія по исторіи русской церкви на стипендію, что онъ самъ внесъ новые капиталы въ 3,000 и 4,000 рублей «на награды и на печатаніе сочиненій», но опять

(1) См. Пономар. въ Тр. К. Д. А., стр. 212. Слов. дух. пис., т. II, стр. 106. Истор. рос. іерарх. т. I, стр. V предисл.

съ тѣмъ условіемъ, чтобы задачи для сочиненій преимущественно относились къ описанію какой-либо кievской древности (1).

М. Евгений скончался 23-го февраля 1837 года. Много лѣтъ прошло послѣ его смерти; но труды его для исторіи русской церкви навсегда останутся памятными въ исторіи этой науки. Онъ первый изъ духовныхъ приступилъ къ самостоятельной разработкѣ этой науки и далеко оставилъ за собою труды по церковной исторіи своего современника, московскаго м. Платона. О м. Платонѣ онъ писалъ Македонцу въ 1804 году: «Платонъ поѣхалъ въ Кіевъ за собираніемъ матеріаловъ для російской церковной исторіи, которой онъ во весь вѣкъ свой не напишетъ, хотя лѣтъ 20 уже собирается. Да и писать сълѣ только въ прошломъ сентябрѣ, увидѣвши мою диссертацию о соборахъ, какъ сказывалъ мнѣ московскій преосвященный викарій. Онъ боится, чтобы другой кто не предупредилъ его и не постыдилъ въ давнемъ общаніи, повсюду разславленномъ, что онъ сочиняетъ російскую церковную исторію» (2). Преосв. Евгений нѣсколько ошибся въ своихъ замѣчаніяхъ: черезъ годъ (въ 1805 году) м. Платонъ издалъ «Краткую російскую церковную исторію». И вотъ новый замѣчательный отзывъ Евгения о трудѣ м. Платона: «О нововышедшей нашей церковной исторіи скажу вамъ, 1) что это отнюдь не исторія, а лѣтопись, въ коей на лыко лѣтосчисленія безъ порядка нанизаны бытія, какъ-будто вмѣстѣ и калачи, и сайки, и бублики. Исторія

(1) *Аскоч. Ист. кievск. дух. акад. по ея преобраз.*, стр. 106, 108, 118, 119, 137, 145, 158.

(2) *Р. Арх.* стр. 838—839.

должна быть въ системѣ, то-есть въ раздѣленіи на періоды, эпохи, и въ подборѣ единообразныхъ матерій по статьямъ или главамъ; а тутъ хотя видишь главы, но не найдешь причины, почему та или другая глава начинается на этой, а не на другой страницѣ. Итакъ раздѣленія ея отнюдь не есть раздѣленія исторіи. 2) Много находится парадоксовъ, которыхъ и доказать нельзя, на примѣръ, что будтобы у языческихъ славянъ не было жрецовъ. Его *argumenta, a silentio historicorum deducta, nihil probant*. Если былъ при идолѣ сторожъ, то и это уже *sacrificulus*. 3) Много также тутъ съ одной стороны хвастливаго ханжества, а съ другой натужнаго безпристрастія. По всѣмъ симъ причинамъ, а особливо по первой, лѣтопись сія, яко сбивчивая, для преподаванія въ классахъ не годится; да и тѣмъ самымъ, что въ ней нѣтъ ссылокъ на источники, она ни мало не облегчитъ всякаго того, кто послѣ сего приступитъ къ сочиненію подлинной церковной нашей исторіи; ибо ему опять надобно будетъ читать старинныя лѣтописи и все повѣрять... Впрочемъ это мнѣніе мое пусть останется у васъ подъ завѣсою скромности. Ибо совѣстно и грѣшно явно отнимать славу у почтеннаго старца. Будемъ думать про себя, а не для другихъ, которые, можетъ быть, еще лучше насъ оцѣнятъ сіе произведеніе» (1).

Строгія требованія м. Евгенія отъ исторіи русской церкви, высказанныя имъ въ приведенной краткой замѣткѣ объ исторіи м. Платона, даютъ намъ полное право приложить эти требованія и взглядъ на исторію къ собственнымъ ученымъ трудамъ м. Евгенія. Труды

(1) Москвитянинъ, 1848, VIII, стр. 172.

м. Евгенія не представляютъ въ себѣ полной системы исторіи русской церкви, которая бы послѣдовательно въ полномъ объемѣ раскрывала передъ нами судьбы христіанства и православія въ нашемъ отечествѣ. Въ молодые годы своей жизни, въ Воронежѣ, Евгеній рѣшился было написать полную исторію русской церкви, но тогда же увидѣлъ, что такой трудъ былъ въ то время невозможенъ, что нельзя составлять полной системы, когда не разобраны цѣлыя эпохи русской церковной жизни, когда не обнзислѣдованы мелкіе отдѣльные факты изъ этой жизни, не собранъ матеріаль нужный для исторіи, не провѣрены разные свидѣтельства и указанія. Оставивъ думать о такомъ трудѣ, который бы могъ «доставить ему похвалу», Евгеній задался другою задачею, которая была хотя не такъ замѣтна, но выполненіе которой клало прочный фундаментъ въ научной разработкѣ русской церковной исторіи. Подъ конецъ своей жизни въ Кіевѣ, когда м. Евгеній собралъ много обработаннаго историческаго матеріала, онъ опять приступилъ къ выполненію первой мечты своей молодости, — началъ писать полную систему «исторіи російской церкви»; но смерть помѣшала ему окончить свой трудъ, который до сихъ поръ остается въ рукописи, и потому мы пока не можемъ судить, каковъ характеръ носила бы на себѣ составленная имъ исторія русской церкви.

Задача, надъ которою м. Евгеній всю жизнь трудился въ дѣлѣ научной разработки церковной русской исторіи, состояла прежде всего въ собираніи и научномъ описаніи матеріала для исторіи. Въ своихъ историческихъ словаряхъ онъ собралъ, указалъ и описалъ много этого матеріала; здѣсь, скажемъ словами

м. Евгенія, «сколько возможно и извѣстно было, помѣщены жизнеописательныя, а особливо ученныя обстоятельства писателей, означены также время и мѣсто изданія ихъ сочиненій; во многихъ мѣстахъ при- совокуплены разныя извѣстія, до общей граждан- ской, церковной и ученой россійской исторіи отно- сящіяся. Иногда прибавлено о нихъ и сужденіе кри- тиковъ».

За описаніемъ и обзоромъ письменнаго историче- скаго матеріала слѣдуетъ обзоръ самыхъ событій русской церковной жизни. Преосв. Евгеній въ этомъ отношеніи трудился болѣе всего надъ описаніемъ дре- вней русской церковной исторіи. Эпоха дотатарскаго нашествія у него отдѣлявалась полно и обстоятельно: онъ приготовлялъ отдѣльныя изслѣдованія о началѣ христіанства у славянскихъ народовъ, о переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ; онъ собралъ и изложилъ лѣтописныя сказанія о начаткахъ хри- стіанской вѣры въ Кіевѣ, о судьбѣ и распростране- ніи христіанства въ предѣлахъ кіевскихъ, новгород- скихъ, псковскихъ, вологодскихъ и пермскихъ. Имъ изслѣдованы на мѣстѣ по памятникамъ первые и глав- ные пункты, чрезъ которые христіанство проникало въ русскую землю и распространялось по ней въ дре- внее время. Изъ исторіи послѣдующихъ временъ м. Евгеній особенно останавливался на судьбѣ правосла- вія въ кіевскомъ южнорусскомъ краѣ и на отноше- ніяхъ его къ литовско-польскому латинству. Этотъ вопросъ былъ живымъ вопросомъ кіевской жизни; м. Евгеній на себѣ испытывалъ его силу: онъ долженъ былъ дать отвѣтъ на подготовлявшееся воссоединеніе униатовъ съ православною церковью. Недавно предъ

тѣмъ вышедшій изъ печати трудъ Бантышъ-Каменскаго по исторіи уніи въ западнорусскомъ краѣ такъ же былъ написанъ подъ вліяніемъ требованій современной церковной жизни. Преосв. Евгеній пользовался имъ и дополнялъ изслѣдованія Бантышъ-Каменскаго новыми самостоятельными розысканіями и документами.

При изложеніи отдѣльныхъ фактовъ русской церковной жизни м. Евгеній обращалъ преимущественно вниманіе на русскую церковную іерархію: онъ подробно слѣдилъ за преемственнымъ порядкомъ русскихъ архіереевъ, митрополитовъ, патріарховъ, сдѣлалъ историческій обзоръ древнерусскихъ монастырей и церквей, и подъ исторію ихъ старался подводить другіе факты русской церковной жизни. Причины такого, можно сказать, іерархическаго направленія историческихъ трудовъ—не одного м. Евгенія—объяснены отчасти въ «Исторіи російской іерархіи». «Исторія іерархіи, говорится здѣсь, есть существенная часть исторіи церковной и можетъ даже почитаться такою же для оной основою, какою служитъ хронологическій порядокъ династій и владѣтелей для исторіи гражданской. Самые эпохи и періоды или раздѣленія церковныхъ происшествій естественноѣ всего могутъ быть расположены по перемѣнамъ іерархическимъ; потому что состояніе церкви всегда тѣсно сопряжено было съ состояніемъ управляющихъ оною священноначальниковъ, и первое чаще всего зависѣло отъ сего послѣдняго».

Въ образѣ изложенія историческихъ фактовъ м. Евгеній держался строго научнаго безпристрастія. Каждый фактъ онъ старался провѣрять снесеніемъ и сличе-

ніемъ указаній разныхъ историческихъ памятниковъ, дѣлая напередъ разборы самыхъ памятниковъ на основаніи добытыхъ имъ обширныхъ археологическихъ и филологическихъ свѣдѣній. Подвергнутый строгой исторической критикѣ фактъ преосв. Евгеній выставлялъ всегда въ чистомъ видѣ, безъ всякой прикрасы и безъ всякаго предубѣжденія. Преосв. Евгеній всегда вооружался противъ пристрастнаго служенія предзанятымъ идеямъ; онъ находилъ пристрастіе даже въ церковной исторіи м. Платона, тѣмъ болѣе въ трудахъ членовъ академіи наукъ XVIII вѣка, разбирая которые, пришелъ къ убѣжденію, что пристрастіе къ даннымъ мнѣніямъ весьма много вредитъ успѣшному развитію науки. Объективность въ историческихъ изслѣдованіяхъ, можно сказать, была его идеаломъ. Съ другой стороны младенческое состояніе науки церковной исторіи въ его время требовало именно гораздо болѣе разборовъ историческаго матеріала и основательнаго изученія источниковъ, нежели скороспѣлой систематизаціи или самоувѣреннаго прагматизма, печальные результаты котораго въ церковно-исторической области германской литературы того времени не могли не быть ему болѣе или менѣе извѣстны. Наконецъ и цензурныя условія той поры, въ которую онъ жилъ, не допускали другаго отношенія къ предмету, кромѣ того, котораго онъ держался въ своей ученой дѣятельности. Въ письмахъ своихъ преосв. Евгеній не рѣдко выражалъ мысль, что многимъ исторіямъ еще нельзя являться въ печати, и жаловался, что духовная цензура смотрѣла на него непріязненно и не пропускала въ печать нѣкоторыхъ его статей (1). Въ самомъ дѣ-

(1) Чтенія объ Евгеніи, изд. Ав. Наукъ, стр. 59, 61, 71, 73, 78, 80—82, 103, 106, 148.

лѣ. въ изданныхъ тогда комиссією духовныхъ училищъ правилахъ для преподаванія исторіи въ академіяхъ, профессору вмѣнялось въ обязанность: «охранять ученіе исторіи отъ усиленнаго критицизма, произвольнаго систематизма... и, наконецъ, отъ неосмотрительнаго политическаго направленія, порождающаго въ незрѣлыхъ умахъ наклонность мечтательно судить о томъ, что не должно подчиняться ихъ сужденіямъ. Излагая событія просто, кратко, вѣрно съ первоначальными источниками свѣдѣній, преподаватель долженъ обращать особенное вниманіе въ исторіи на черты нравственныя, на слѣды провидѣнія Божія въ происшествіяхъ общественныхъ и приключеніяхъ частныхъ, и на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ нравственнаго улучшенія и благоденствія, или, напротивъ, нравственнаго поврежденія и упадка благоденствія».

Въ частныхъ письмахъ и въ печати м. Евгеній самъ открыто признавался, что ученые труды его не безъ недостатковъ; нѣкоторые недостатки онъ самъ замѣчалъ, о прочихъ просилъ замѣчать другихъ. Приступая къ изданію «новаго оцѣта историческаго словаря», надъ составленіемъ котораго онъ главнымъ образомъ трудился въ продолженіе всей своей жизни, онъ писалъ: «легко можетъ статься, что отъ забвенія пропустимъ мы многихъ достойнѣйшихъ нашихъ писателей, или ихъ сочиненія и переводы—такъ, какъ Вейль пропустилъ Цицерона и другихъ великихъ людей. Но въ такомъ случаѣ просимъ всякаго доброжелательнаго читателя, вмѣсто обвиненія насъ, дополнять и поправлять недостатки наши». «Въ такомъ разнообразіи предметовъ, входящихъ въ историческій сло-

варь—писалъ онъ графу Хвостову въ 1818 г.—нельзя на первый случай издать его исправнымъ и полнымъ. Не только мнѣ одному, но и потомству достанется долго поправлять и дополнять его, если только онъ будетъ стоить вниманія потомства». Дѣйствительно, пропусковъ въ словарь оказалось много. Всякій авторъ, желавшій войти въ извѣстность и имѣвшій какія-либо сношенія съ митрополитомъ Евгеніемъ, общалъ ему, что въ словарь или не упомянуто о немъ, или упомянуты не всѣ его труды, или не сдѣлано на нихъ никакихъ замѣчаній. Были пропуски и существеннаго свойства. Калайдовичъ, по выходѣ отдѣльнаго изданія словаря о духовныхъ писателяхъ въ 1819 г., писалъ преосв. Евгенію, что въ словарь не упомянуто о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ древнихъ церковныхъ писателяхъ, напримѣръ—Іоаннѣ экзархѣ болгарскомъ, епископѣ Константинѣ, Кириллѣ туровскомъ и другихъ. Преосв. Евгеній поэтому считалъ долгомъ признаться въ печати предъ своими читателями, что, не смотря на все стараніе издать сколько возможно исправнѣе статьи свои, въ нихъ онъ не мало замѣтилъ ошибокъ историческихъ и безчисленное множество типографскихъ, иногда портящихъ связь и смыслъ рѣчи. Переписка его съ разными лицами по поводу исправленія перваго рода ошибокъ весьма поучительна и характеристична. Въ 1804 г. Евгеній писалъ графу Хвостову: «признаюсь, что я въ словарь моемъ ни о комъ изъ живыхъ авторовъ, кромѣ исчисленія сочиненій ихъ, ничего и не писалъ, да и писать былъ не намѣренъ. А и о мертвыхъ я въ сужденіяхъ такъ не смѣлъ, что, не посовѣтовавшись со многими знатоками, боюсь открывать даже и за

тайну свое мѣнѣе, потому что и самъ я въ ономъ не увѣренъ». Въ 1805 г. онъ пишетъ графу Хвостову съ большею настойчивостью: «прошу и молю всегда поправлять, когда навѣрно увидите ошибки. Я не ручаюсь за себя. Цѣлыя ученія общества при изданіи словарей часто ввали; а одному какъ не соврать». Наконецъ, въ 1813 г., въ письмѣ къ Державину, онъ говорилъ, что «между учеными другъ друга поправлять есть дѣло обыкновенное и нужное, и сердиться на то не должно; никто одинъ совершенно всего не обдумалъ»; однако тутъ же прибавлялъ: «всякому вольно думать, какъ угодно; во всѣхъ изслѣдованіяхъ чѣмъ больше бываетъ мѣнѣй, тѣмъ больше объясненій». Такимъ-то путемъ выработывалась историческая критика и крѣпнулъ тактъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ митрополита Евгенія. Благодаря тому обстоятельству, что каждую свою работу онъ провѣрялъ ссылками на историческіе памятники и на изслѣдованія предшествовавшихъ и современныхъ ему ученыхъ, что онъ отправлялъ свои труды въ рукописи на разсмотрѣніе другихъ, послѣ чего исправлялъ замѣченные въ нихъ ошибки,—его сочиненія подъ конецъ его жизни стали выходить очищенными отъ недостатковъ и удовлетворявшими самымъ строгимъ требованіямъ современной ему критики. Выставляя недостатки въ сочиненіяхъ митрополита Евгенія, современная критика не могла не указывать и положительныхъ ихъ достоинствъ. Въ перепискѣ съ нимъ многіе высказывали удивленіе богатству сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, которыя не только вмѣщали въ себѣ итоги современной ему исторической науки, но открывали богатый запасъ вновь открытаго и описаннаго имъ матеріала для отече-

ственной исторіи, и не только сыраго матеріала, но цѣльных обработанныхъ статей по многимъ историческимъ вопросамъ. По выходѣ историческаго словаря, Хвостовъ отдавалъ особенное предпочтеніе статьямъ о Палицынѣ, Стефанѣ пермскомъ, Никонѣ, Дмитріѣ Ростовскомъ, Теофанѣ Прокоповичѣ и многимъ другимъ. Преосвященный Евгений сознавалъ и самъ, что ученый свѣтъ будетъ ему обязанъ открытіемъ и описаніемъ многихъ историческихъ памятниковъ.

Въ письмѣ къ графу Хвостову, отъ 1 іюля 1813 г., Евгений сообщалъ о новомъ замѣчательномъ нареканіи, которому подвергались его печатныя сочиненія. «Давно уже наша братья бранить меня, что я кое-что писалъ для мірской литературы; особливо мѣтятъ на мой словарь. Но когда выйдетъ онъ въ свѣтъ, тогда авось устыдятся; ибо въ немъ половина духовной литературы нашей. Не вамъ однимъ отъ зоиловъ страдать достается. Пусть бы такъ, что я ничего бы не писалъ и по духовной части. А когда то и другое, то за что же бранить? Святые отцы древніе не пренебрегали свѣтскихъ музъ».

Послѣ всего вышесказаннаго. отзывъ покойнаго архіепископа черниговскаго Филарета объ ученыхъ трудахъ м. Евгенія представляется намъ одностороннимъ и рѣзкимъ. «При разборѣ каждаго изъ сочиненій преосвященнаго», писалъ авторъ *Исторіи русской церкви и Обзора русской духовной литературы*, «но въ униженіе его говоримъ, а показывая характеръ его, видимъ, что у него не было систематическаго взгляда на явленія исторіи. Вы видите кучи историческихъ явленій, но не соединенныхъ общемо мысленно и не оживленныхъ чувствомъ. У него нѣтъ охоты-тель-

же къ тому, чтобы попадающіяся ему на глаза явленія раздѣлить на классы ихъ; онъ передаетъ вамъ ихъ, какъ попались они ему, случайно. Факты собираются у него безъ различія важнаго отъ пустаго и безъ вниманія къ тому, что въ ряду ихъ недостаетъ тамъ и здѣсь событій, служившихъ переходомъ отъ одного событія къ другому; причинъ и слѣдствій событія не увидите у него, развѣ тамъ, гдѣ онѣ попались ему на глаза... Въ м. Евгеніѣ сколько изумляетъ собою обширность свѣдѣній его, столько же поражаетъ бездѣйствіе размышляющей силы, часто и рѣзко выказывающееся» (1). Излагая приведенный отзывъ, преосв. Филаретъ признавался однако, что «богатство свѣдѣній, сообщенныхъ м. Евгеніемъ въ печати, много принесло пользы любителямъ отечественной исторіи». Дѣйствительно, преосв. Филаретъ и самъ много пользовался трудами м. Евгенія и часто ссылался на нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Занимающіеся изученіемъ отечественной исторіи и литературы долго еще будутъ обращаться за указаніемъ и справками къ трудамъ покойнаго кievскаго митрополита. Когда же труды его устарѣютъ, за ними, во всякомъ случаѣ, останется въ исторіи отечественной науки та прочная заслуга, что они выражали собою эпоху въ ея развитіи и давали твердую и первую основу въ дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ.

Священникъ П. Николаевскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки